

Александр Шубин

Анархо-синдикализм в Испанской гражданской войне 1936-1939 гг.

Массовое движение организованных в профсоюзы рабочих и крестьян – синдикализм – стало социальной основой Испанской революции в период гражданской войны. Нигде более синдикализм не играл такой роли и не добивался таких социальных перемен, как в Испании. Взлет и падение синдикалистской альтернативы в Испании были связаны с борьбой авторитарного и антиавторитарного направлений в социалистическом движении. Испания была вовлечена в эту борьбу еще с времени конфликта Маркса и Бакунина. Именно тогда, во время Испанской революции 1868-1874 гг., социализм заявил о себе как о влиятельной силе в лице двух своих течений – государственного социализма и анархизма. В период длительного господства авторитарного традиционалистского режима и марксизм, и анархизм продолжали укреплять свои позиции в оппозиционной части общества и в народной толще. Этому способствовала социальная трансформация Испании, переходившей от традиционного общества к индустриальному.

К 30-м годам пролетарские слои достигли трети численности населения Испании. Причем почти половина пролетариев уже жила в городах. Массовый «исход» сельского населения в города давил на рынок труда и делал условия жизни рабочих невыносимыми. Такие процессы порождают социальную напряженность, стремление вырваться из состояния, в котором оказался человек – либо «назад», либо «вперед». Первый путь предполагает «ностальгию» по прошлому, мечту о сохранении традиционных форм жизни. Однако чисто традиционалистское стремление к «прекрасному прошлому» смешивается с неприятием «проклятого прошлого». Отсюда – сочетание традиционализма с прогрессизмом. Маргинализирующиеся массы весьма восприимчивы к новым идеям социальной свободы и обобществления производства, влияние которых связано уже с кризисом капиталистического хозяйства. Но в отличие, скажем, от государственного коммунизма анархо-синдикализм стремится не к ликвидации традиционно-общинных структур, а к переносу их в систему индустриальной цивилизации и к преобразованию последней на основе горизонтальной сети профсоюзов. Профсоюзы (синдикаты трудящихся – отсюда и слово «синдикализм») должны были компенсировать отсутствие социальной защищенности в раннекапиталистическом обществе. Однако далеко не всегда профсоюзы сохраняли независимость от левых политических партий.

В условиях Испании общие причины подъема анархо-синдикализма усиливались рядом национальных особенностей. Здесь период распада структур традиционного общества почти совпал во времени с кризисом капиталистического хозяйства. При этом тенденции к огосударствлению накладывались на сильную абсолютистскую традицию и, соответственно, традицию противостояния власти. Все это создавало питательную почву для анархизма. Особенно сильно эти факторы проявлялись в Каталонии – этнически обособленной области Испании, общественные движения которой издавна противостояли испанскому национальному государству.

В 1910 г. возникла анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда (НКТ). В 1927 г. была создана независимая от НКТ анархистская Федерация анархистов Иберии (ФАИ). Члены ФАИ активно работали в НКТ.

Синдикалистский подход распространялся и в левосоциалистических кругах марксистской Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), прежде всего – среди участников крупнейшего профобъединения Испании – Всеобщего союза труда (ВСТ).

В ходе начального этапа Испанской революции (до начала гражданской войны) анархистское движение, придерживавшееся радикальных анархо-коммунистических идей, укрепило свои позиции. Но в 1936 г. анархо-синдикалисты стали эволюционировать к компромиссу с левыми силами «государственников» и сыграли важную роль в победе Народного фронта. Несмотря на этот «оппортунизм», НКТ на своей конференции в Сарагосе приняла радикальную анархо-коммунистическую программу социальной революции. Эта программа отрицала возможность сохранения государственности в ходе социальной революции. Революция внесет коррективы в эти взгляды уже через несколько месяцев.

Начало франкистского мятежа привело к немедленному контрудару со стороны профсоюзов и социалистических партий, которые обеспечили мобилизацию общества и добились раздачи оружия народу.

К 20 июля стало ясно, что на большей части территории страны вооруженный народ смог блокировать и разгромить мятежные части. Восставшая часть армии и отряды фалангистов не могли обеспечить военный перевес над многочисленной милицией «левых». Этот перевес предоставила оперативно предоставленная помощь стран «Оси».

В то же время, раздав оружие населению, правительство в одночасье потеряло свою самостоятельность от общественных организаций. Теперь каждая партия и профсоюз имели свои вооруженные формирования. В июле во многих регионах страны возникли местные центры власти – Центральный комитет антифашистской милиции Каталонии, правительство Страны Басков, Совет Астурии и Леона, Арагонский Совет, Хунта Сантандера и др. В эти органы входили представители партий Народного фронта и анархисты. Советы и хунты пользовались широчайшей автономией. Особенное значение среди этих автономных районов играла Каталония, где было сосредоточено около 70% промышленного потенциала республиканской зоны. Колонны каталонский анархо-синдикалистов заняли большую часть провинции Арагон, где был создан Арагонский совет (первоначально – совет обороны, то есть военный, а не административный орган) во главе с Х.Аскасо, двоюродным братом погибшего анархистского лидера Ф.Аскасо. Арагонцы вдохновлялись опытом Махновского движения.

Истинным вождем движения здесь был Б.Дуррути. По его предложению Арагонский Совет принял собственную конституцию.

Анархо-синдикалисты практически безраздельно доминировали в столице Каталонии Барселоне. Перед анархо-синдикалистами встал выбор – добить всю старую социально-политическую и социально-экономическую систему и попытаться «установить» анархический коммунизм (как этого и требовали решения съезда в Сарагосе) или пойти на сотрудничество с другими антифашистскими силами в Каталонии и вне ее. После долгих и болезненных дискуссий июля-октября лидеры НКТ и ФАИ выбрали второе, отказавшись от установления «собственной диктатуры». По словам Г.Оливера «НКТ и ФАИ решились на сотрудничество и признание демократии, отвергая революционный тоталитаризм, который мог привести к удушению Конфедерации диктатурой анархистов». НКТ вошла в коалиционные

органы власти – Центральный комитет Антифашистской милиции (ЦК МАФ) и правительство Каталонии (Генералидад).

С ростом влияния НКТ росла и его численность. В июле она достигла миллиона человек, сравнявшись с численностью ВСТ. К 1938 численность НКТ выросла до двух с половиной миллионов.

Выступая на заседании секретариата ИККИ, А.Марти утверждал: «влияние анархистов имеет решающее значение для всей страны и даже для Мадрида, где находится правительство». Ларго Кабальеро понимал, что привлечение этой силы в единую систему, координируемую правительством, имеет решающее значение для сопротивления франкизму. В октябре эту точку зрения разделяли и коммунисты. А.Марти на заседании ИККИ заявил о необходимости «втянуть в работу государственного аппарата не только Каталонии, но и всей страны, анархистов. Это повысит в них чувство ответственности и сократит безответственную критику с их стороны... Борьба с ними перед лицом фашизма – это конец. Значит, не нужно останавливаться перед тем, чтобы уступить им кое в чем, а после победы мы с ними считаемся, тем более, что после победы мы будем иметь сильную армию». Надежды Марти оправдались лишь частично – войдя в систему власти, анархисты продолжали проводить те же преобразования, что и раньше, и остро критиковать коммунистов за стремление остановить социальную революцию. Решающее столкновение между коммунистами и анархо-синдикалистами произошло «до победы» и подорвало шансы на нее.

4 ноября в правительство Испании, сформированное Ларго Кабальеро из социалистов, коммунистов и республиканцев, вошли четыре синдикалиста: Х.Лопес (министерство торговли), Х.Пейро (промышленности), Ф.Монтсени (здравоохранения), Г.Оливер (юстиции). Кабинет Ларго Кабальеро стал правительством широкой антифашистской коалиции, которая просуществовала до мая 1937 г.

Несмотря на то, что лидеры НКТ не считали возможным в сложившихся условиях полностью воплотить свою программу, они немедленно приступили к преобразованиям.

Анархо-синдикалисты ввели в Каталонии бесплатное медицинское обслуживание, сохранив прежнее качество. После прихода к руководству министерством здравоохранения Ф.Монтсени бесплатное медицинское обслуживание стало вводиться по всей стране. Развертывались новые места для больных туберкулезом, укреплялась профилактика эпидемиологических заболеваний (несмотря на войну, в это время Испанию минули эпидемии), создавались детские медицинские учреждения. Вводились новые методы спасения раненых (включая переливание крови), которые предложили медики-интернационалисты. По словам Х.Томаса эти методы «произвели медицинскую революцию».

Оказавшись во главе министерства юстиции (по-испански это слово значит как право, так и справедливость), Г.Оливер начал с сожжения архива обвинительных актов. Министерство вело систематическую работу по наведению порядка в республиканских институтах, предотвращению инфильтрации в них сторонников франкистов. Соответствующее обращение министр отправил и ФАИ. Товарищи по движению, солидаризировавшись с поставленной Оливером целью, напомнили ему, что пока к членам организации не предъявлялось конкретных обвинений в шпионаже.

Были отменены судебные платежи, узаконены «свободные» (не

зарегистрированные) браки. Взяв на себя задачу реформирования юридической системы, анархо-синдикалисты занялись и реорганизацией пенитенциарной системы. Декрет 26 декабря 1936 г. санкционировал создание трудовых лагерей, которые были организованы в республиканской зоне в первые месяцы гражданской войны. 7 апреля 1937 г. был сформирован Национальный патронат трудовых лагерей, который осуществлял общее руководство и контроль над их состоянием. А.Сухи во время поездки по Арагону посетил концентрационный лагерь в Вальмуэле, контролируемый ФАИ. В лагере вместе работали и заключенные, и анархисты, одновременно охранявшие их. Они строили ирригационную систему, пасли скот, занимались земледелием. Заключенные и охранники «обращались друг к другу как равные». Ограничения на встречи с родными и знакомыми были незначительны. По существу это был производственный коллектив, в котором вынуждены были работать и фалангисты.

Достижением министерства юстиции во главе с Г.Оливером стало упорядочение системы трибуналов, возникших в ходе революции.

Одной из важнейших функций НКТ в республике было поддержание обороноспособности Арагонского фронта и производства в Каталонии и Арагоне. Синдикалисты выступали за развертывание партизанской войны в тылу противника и сохранение самоуправления в армии (милиционной системы). Профессиональный военный полковник Х. де ла Бераца так оценивал анархо-синдикалистскую милицию: «С военной точки зрения – это хаос, но это хаос, который работает».

Боеспособность милиции поддерживало осознание справедливости существовавших в ней отношений. Д.Оруэлл писал о своих впечатлениях от службы в милиции: «Для испанских милиционеров, пока они существовали, существовал и некий микрокосм бесклассового общества. В этом сообществе не было никого, кто действовал бы из-под палки. Когда был недостаток всего, но не было привилегий и чиновничества, каждый получал, возможно, грубый прообраз того, как будут выглядеть начальные стадии социализма».

Этот «грубый образ» царил и в тылу.

Побывавший в Барселоне в декабре 1936 г. Д.Оруэлл писал: «Впервые я был в городе, где рабочий класс был «в седле». Практически любое здание любого размера было захвачено рабочими и украшено красными флагами или черно-красными флагами анархистов... Церкви здесь и там были систематически разрушаемы группами рабочих. Каждый магазин и кафе имели надпись, сообщавшую, что они коллективизированы... Официанты и продавцы смотрели вам в глаза и обращались к вам как к равному. Холопские и даже церемониальные формы речи на время исчезли. Никто не говорил «дон» или «сеньор». Каждый обращался к каждому «товарищ» и «ты», и говорил «привет» вместо «добрый день»... Человеческие существа старались чувствовать себя как человеческие существа, а не зубцы в капиталистической машине».

В соответствии с анархо-синдикалистской доктриной рабочие-синдикалисты взяли предприятия в свои руки. Этот процесс назывался по-разному: коллективизация, инкаутация, синдикализация, и составлял, по мнению анархо-синдикалистов, «первый этап социальной революции». Первая волна коллективизации прошла в июле-сентябре 1936 г. Наиболее активно коллективизация проводилась в зоне, контролировавшейся НКТ, хотя и в других регионах Испании рабочие часто коллективизировали предприятия. Но здесь все же преобладал рабочий контроль над принятием

управленческих решений. ВСТ тоже поддержал коллективизацию.

Высшим органом на коллективизированном предприятии считалось рабочее собрание (ассамблея). Сами ассамблеи, конечно, не могли управлять производством. Первоначально на них царил хаос, так как опыта самоуправления у рабочих не было – большинство из них большую часть своей жизни даже не состояли в профсоюзах. Позднее ассамблеи более четко организовывались синдикатами. Рабочие считали, что они сами принимают решения, и это обеспечивало их согласие с ними. Привлечение рабочих к управлению и самоощущение себя собственниками производства давало экономический эффект. Конференции рабочих играли мобилизующую роль, и иногда на них высказывались идеи, помогавшие менеджерам и профсоюзным лидерам находить выход в тяжелой экономической ситуации военного времени. Трудно сказать, смогли бы подобные стимулы стать долгосрочными. Но материальная заинтересованность также играла немалую роль в качестве стимула к труду, так как рабочие сами распределяли прибыль предприятия.

Несмотря на тяжелую экономическую ситуацию, вызванную войной и расколом страны, коллективизированная промышленность не допустила резкого падения производства. С июля по декабрь 1936 г. производство промышленности Каталонии упало на 29% и стабилизировалось до июня 1937 г. (когда началось разрушение синдикалистской системы военно-политическими методами). Металлообработка и машиностроение, от которых зависело поступление на фронт отечественных вооружений, росли до апреля 1937 г., то есть именно в период лидерства анархо-синдикалистов в регионе.

Рабочие советы были избраны практически на всех предприятиях Каталонии. Каждый год их состав обновлялся. По соглашению с рабочими на их заседании мог присутствовать представитель генералидада (под более жестким контролем генералидада были оставлены 125 заводов). Предприятия сменили собственника, но структура управления изменилась незначительно. Большая часть прежних менеджеров сохранила свои места. Иногда управляющими становились старые владельцы фабрик. Ассамблея назначала и смещала директора. Позднее его мог сместить также Генеральный индустриальный совет Каталонии. Руководство было относительно стабильным.

Участие анархо-синдикалистов в системе власти существенно облегчило им проведение преобразований. В октябре было принято решение объединенного пленума НКТ и ФАИ: «Рабочие всех отраслей промышленности должны немедленно приступить к секвестру (здесь – конфискации – А.Ш.) всех предприятий путем их коллективизации. Это должно быть проведено в кратчайший срок, после чего избирается рабочий совет, который будет управлять промышленностью (вероятная неточность перевода, имеется в виду предприятие – А.Ш.) при помощи соответствующего технического персонала. В случае отсутствия такого персонала обращаться с заявками в технический контрольный комитет Национальной конфедерации труда. В состав совета должен быть привлечен представитель от Экономического совета». Сказано – сделано. 24 октября 1936 г. генералидад Каталонии декретировал коллективизацию большей части промышленности региона. Этот декрет стал своеобразным ответом анархо-синдикалистов и социалистов на франкистское наступление на Мадрид. Коллективизации подлежали предприятия, на которых было занято свыше 100 человек. Остальные предприятия также могли быть коллективизированы по решению рабочих. Декрет легализовал около 2000

коллективов и положил начало новой волне коллективизации. Авторы декрета провозглашали: «Победа людей должна означать смерть капитализма». Этим декретом был юридически оформлен и унифицирован фактически прошедший с июля процесс захвата предприятий их коллективами. Рабочие приобрели уверенность в легальном статусе своих прав на предприятия, что создало дополнительные стимулы к труду.

Декрет о коллективизации был компромиссом различных политических сил. Идеалом НКТ с ее теорией анархического коммунизма была «единственная и неотчуждаемая собственность социального организма, осуществляемая при посредстве производящего класса, и в том числе организмов, которые объединяют производителей – синдикатов». Эта формулировка из циркуляра секретаря Национального комитета НКТ по экономике М.Роселя обосновывала соответствие анархо-коммунистического принципа всеобщего обобществления практике фактической передачи собственности в руки синдикатов и коллективов – социализации (синдикализации). Партии, входившие в созданный при генералидаде экономический совет, оказали этой идее ожесточенное сопротивление. По словам А.Капдевилы, участвовавшего в этой дискуссии, «причина, по которой НКТ согласилась на коллективизацию, было то, что мы не могли добиться социализации, которая была нашей целью».

Однако социализации сопротивлялись не только партии, но и часть синдикатов. В сентябре 1936 г. на заседании пленума Каталонского комитета НКТ разгорелась дискуссия между сторонниками социализации и кооперативизации. Социализация предполагала передачу фабрик в руки синдикатов, которые регулировали бы их работу. Кооперативизация сохраняла права владения за коллективами, которые сами могли бы распоряжаться капиталом фабрики. Крупные синдикаты отстаивали первый вариант, мелкие тяготели ко второму. После двухдневной работы согласительной комиссии был выработан компромиссный вариант, выдвинутый членом генералидада от НКТ и председателем экономического совета Каталонии Х.Фабрегасом. Участник согласительной комиссии Х.Феррер так характеризует смысл соглашения: «Каждая коллективизированная фирма сохраняет свой индивидуальный характер, но при условии вступления всех предприятий данной отрасли в федерацию». Таким образом, за предприятиями сохранялась широкая внутренняя автономия, но они все же должны были войти в систему экономического регулирования.

Анархисты всячески сопротивлялись унификации внутреннего устройства предприятий и форм их взаимоотношений с синдикатами и регулирующими органами. Особенно последовательно против унификации выступал экономический советник (министр) генералидада Д.Абад де Сантьян, сторонник «автономии и спонтанности работы». Рабочие советы, созданные на предприятиях, тоже часто сопротивлялись вступлению в федерацию. По мере накопления опыта синдикализации, организации ФАИ критиковали этот сектор за бюрократизацию, но преимущества большей стабильности (в условиях общеэкономической стагнации) обеспечивали регулированию производства через синдикаты достаточную поддержку предприятий.

Создание системы регулирования коллективизированного производства, которая не могла не быть иерархической и, следовательно, в большей или меньшей степени бюрократической, обуславливалось как обстановкой военного времени, так и стремлением НКТ как можно скорее объединить все производства в единый организм.

Первоначально регулирующие функции в экономике выполняла структура НКТ и секретариаты ЦК МАФ. Постепенно создавалась система общего экономического

регулируемая, в которую входили предприятия разных форм собственности и владения. 11 августа был создан Экономический совет Каталонии, состоявший из представителей отраслей. В нем доминировали синдикаты. Экономический совет мог принять решение о коллективизации любого предприятия, которое еще не было коллективизировано.

В сентябре Экономический совет опубликовал программу своих действий:

- «1. Нормализация производства в соответствии с размерами потребления,
2. Контроль национальной внешней торговли,
3. Коллективизация крупной земельной собственности и соблюдение прав мелких землевладельцев,
4. Снижение квартплаты,
5. Коллективизация крупной промышленности, общественных предприятий и транспорта,
6. Секвестр и коллективизация предприятий, брошенных владельцами,
7. Усиление кооперативного принципа в области распределения продуктов и особенно эксплуатации оптовых торговых предприятий на кооперативных началах».

Пункты 8-11 предусматривали контроль над банками, рабочий контроль на частных предприятиях, вовлечение безработных в производство, электрификацию Каталонии, упразднение по мере возможности косвенных налогов. Если не считать электрификацию, которая представляла собой длительный процесс, вся эта программа была выполнена в течение ближайших месяцев.

В октябре 1936 г. была создана новая надстройка – Генеральный индустриальный совет, в который вошли представители профсоюзов, Экономического совета, совета предприятий и каталонского генералидада. При Генсовете были созданы фонды. 50% прибыли предприятий шло в фонд торгово-промышленного кредитования, 20% – в резервный фонд, 15% – на социальные программы коллективов и 15% распределялись по решению рабочих собраний. На крупнейших предприятиях назначение директора должно было быть одобрено Экономическим советом. Совет предприятий и Генеральный индустриальный совет планировали производство с целью добиться его максимальной социальной эффективности и ограничения конкуренции. Генеральный совет также обеспечивал связь с внешними рынками, взаимодействуя здесь с правительством Испании. В случае если какой-либо из субъектов этой системы выступал против решения Генерального индустриального совета, он мог апеллировать к советнику по экономике генералидада. Таким образом, экономическая система, установленная в Каталонии, регулировалась органами, представлявшими как производственные, так и государственные интересы.

Достижением анархо-синдикалистов стало сведение к минимуму безработицы. Несмотря на обстановку экономического кризиса военного типа рабочие не увольнялись, а снижался рабочий день (в текстильной отрасли – до трех дней в неделю). Борьбе с безработицей способствовал и отток людей на фронт.

Анархо-синдикалисты организовали распределение произведенной коллективами продукции в масштабе всей системы синдикализованного производства. Цены контролировались НКТ, а в обмене между синдикатами деньги вообще не употреблялись. Благодаря существованию разветвленной сети синдикатов удалось организовать бартерный обмен между отраслями и между городом и деревней. «Они говорили, что им нужна обувь, – вспоминал Х.Доменеч. – Мы обращались к

влиятельному делегату НКТ по обувной промышленности и говорили: «Завтра нам понадобится 700 пар обуви». И на завтра обувь была у нас».

В целом в Каталонии сохранялся низкий (даже по сравнению с прежним) уровень жизни, очереди за хлебом, дефицит продуктов питания. Но голод отсутствовал, и трудности во многом объяснялись «атмосферой войны», по выражению Д.Оруэлла. Однако если первоначально аскетическая мораль рабочего класса накладывала отпечаток на жизнь Барселоны, с улиц которой совершенно исчезла нарядная одежда, то со временем этот пуританизм исчез. Посетивший столицу Каталонии в январе-феврале 1937 г. Ф.Боркено писал о «возрождении мелкобуржуазных элементов» и о том, что «девушки уже не боятся надевать свою лучшую одежду». Жизнь постепенно налаживалась.

После вхождения в правительство Испании синдикалисты проводили здесь относительно плюралистичную экономическую политику, которая поддерживалась Ларго Кабальеро и по существу стала политикой кабинета в целом. Характеризуя этот курс, Г.Оливер говорил: «У меня есть причины считать, что есть вещи, которые следует коллективизировать, потому что они могут быть коллективизированы, что также есть вещи, которые необходимо муниципализировать, потому что они не могут быть коллективизированы с точки зрения экономической эффективности или прибыльности, что есть вещи, которые должны быть национализированы, потому что, из-за экономических обстоятельств, постоянных или временных, они не могут быть ни коллективизированы, ни муниципализированы. У меня есть причины считать, что есть вещи, которые должны оставаться в свободной эксплуатации мелких собственников и мелких промышленников. Все существующие проблемы могут быть решены хорошим правительством людей, которые работают, которые не путешествуют слишком много, которые меньше занимаются политикой и больше – решением проблем и организацией работы, которая должна быть сделана». Эта модель смешанной экономики, регулируемой «народным правительством» (с точки зрения синдикалистов – правительством представителей организованного труда) очень далека от анархо-коммунистических принципов, принятых в Сарагосе. Эта модель воспринималась как реализация своего рода «программы-минимум», необходимость которой ранее отрицалась. Несмотря на то, что идея многосекторной экономики и «хорошего правительства» несомненно противоречила идеям немедленного перехода к анархическому коммунизму, она, тем не менее, обеспечивала большее приближение к идеалам свободы (позитивное наполнение идеи анархии) и социальной справедливости, чем запрещение и разгон тех социально-экономических и социально-политических форм, которые не укладывались в анархо-коммунистическую модель. В этом смысле отказ от радикализма и переход к сотрудничеству с другими силами в рамках государственных и рыночных структур позволял анархо-синдикалистам с большим или меньшим успехом двигаться в направлении целей, определенных в Сарагосской программе.

Одновременно с городской коллективизацией развернулось движение за коллективизацию сельского хозяйства.

Коллективизация опиралась на революционный земельный передел, вызванный массовым бегством помещиков из республиканской зоны. «Брошенные» латифундии конфисковывались. «Все секвестрированные земли будут находиться под контролем и управлением союза и обработка их коллективным способом отразится в первую очередь на союзах и всех трудящихся вообще», – говорилось в решении крестьянского

съезда Каталонии, представлявшего около 200 союзов.

Первоначально это движение было поддержано и НКТ, и ВСТ, что было закреплено в соглашении арагонских организаций этих союзов 22 февраля 1937 г.

В руках коллективов находилось около 9 миллионов акров земли. Большинство коллективов руководили анархисты. Но около 800 хозяйств из примерно 2500 находились под контролем социалистов, а в органах большинства коллективов социалисты присутствовали. Костяк движения располагался в Арагоне (около 450 коллективов), но движение охватывало провинции, в которых анархисты не были у власти (Андалузия, Кастилия, Левант). Четыре пятых коллективов находились там.

Коллективы численностью 200-500 (реже от 30 до 5000) человек создавались на базе крестьянских общин, хотя, говоря словами А.Переса-Баро, «только меньшинство понимало, что коллективизация означает возвращение к обществу, которое, исторически было экспроприровано капитализмом».

Основная часть имущества в результате коллективизации становилась общей, работу вели совместно. Важнейшие решения принимались на общих собраниях, однако повседневное руководство осуществлялось лидерами коллективов. Ассамблеи решали множество вопросов – от строительства школы до определения хлебных рационов. Часто в ассамблеях участвовали и крестьяне, не вступившие в коллектив.

Ассамблея избирала административную комиссию (исполнительный комитет), регулярно (раз в неделю или в месяц) собиравшую ассамблею для решения важнейших вопросов. Члены комиссии руководили текущей работой коллектива. В уставе коллектива Тамарите де Литера говорилось, что «все обязаны выполнять инструкции ответственных делегатов, полученные на предварительной встрече перед работой» под угрозой исключения из коллектива. Формально работник как истинный анархист мог отказаться от выполнения указания менеджера до начала работы, но, дав согласие, должен был держать слово. Это считалось уже проявлением не власти, а самодисциплины. Сохранялись и органы власти. Так, в коллективизированном селении Альмагро анархисты заняли только 6 из 15 мест в муниципальном совете.

В коллективы, как правило, входили крестьяне нескольких селений. Часть крестьян коллективизированного села в коллектив не входила, продолжая вести индивидуальное хозяйство. В этих случаях крестьяне как правило участвовали в некоторых мероприятиях коллектива (что определялось специальными договоренностями), имели кредит в коллективных лавках, участвовали в потребкооперации. Наемный труд в Арагоне был запрещен даже в индивидуальных хозяйствах.

Крестьян привлекали в коллектив как выгоды совместного ведения хозяйства в тяжелых условиях войны (прежде всего в области товарообмена и культурной жизни, которые обеспечивались и поддерживались структурами НКТ), а также идеологическое (в отдельных случаях – и физическое) давление анархистов. Однако коллективы существовали и в тех регионах, где влияние анархо-синдикалистов не было доминирующим – в Леванте и Кастилии. Участник коллективизации М.Рохо считает основными ее мотивами также оказание помощи фронту (коллективы были удобной «единицей снабжения») и установление «социального равенства», к которому стремились крестьяне в это время.

Коллективы отменили деньги и ввели уравнительное распределение. Часть потребления осуществлялась коллективно. Рыночные отношения, сохранявшиеся в коллективизированном секторе в тех или иных формах, всегда ограничивались и

регулировались.

14-15 февраля 1937 г. в Каспе был проведен конгресс Федерации коллективов. В нем приняли участие 600 делегатов от 300 тысяч членов из 500 коллективов. «Это была значительная цифра, если учесть, что все население республиканского сектора Арагона составляло 500 тысяч человек. Фактически конгресс, на котором была основана Федерация коллективов Арагона, представлял большинство населения региона», – считает В.Дамье.

Экономическое значение работы коллективизированного сектора для Испанской республики было очень велико. Коллективы производили около половины зерна, поступавшего в города Испании и шедшего на экспорт. Социально-экономическая эффективность коллективов в отношении их собственных членов ограничивалась условиями военного времени, отчислениями продукции на нужды фронта и военной промышленности. По мнению участника коллективизации в Алосе средний уровень жизни был таким же, как и до войны, но положение социально уязвимых слоев – значительно лучше.

Массовую поддержку коллективизации и ее добровольный характер для большинства крестьян подтверждает и тот факт, что после поражения анархо-синдикалистов в столкновении с коммунистами в мае-августе 1937 г., когда никакой возможности применять насилие в отношении противников анархистов не было, массовое движение аграрных коллективов продолжалось.

Коллективизация дала хороший эффект и в масштабах всей страны. Положение с продовольствием весной 1937 г. заметно улучшилось. Успехи и неудачи конкретных коллективов зависели от их лидеров, но в целом движение, явочным порядком ликвидировавшее налоговый гнет, латифундизм и парцеллярное хозяйство, показало свою жизнеспособность. Испанская коллективизация имела мало общего с коллективизацией в СССР.

В результате преобразований в Испании, прежде всего в Каталонии и Арагоне, возник новый сектор экономики, качественно отличный как от капиталистического, так и от государственного – прежде всего развитой системой самоуправления и участия труженика в принятии производственных решений. Несмотря на отрицательное отношение анархистской доктрины к «демократии» (многопартийной парламентской системе), анархо-синдикалисты распространили демократию на сферу производства. Рабочий получил возможность непосредственно влиять на принятие производственных решений. Опираясь на профсоюзные структуры, анархо-синдикалисты и левые социалисты сделали практический шаг к ликвидации отчуждения производителя от средств производства.

Однако модель самоуправления и производственной демократии, координируемой профсоюзами и полугосударственными общественными структурами, не устраивала представителей других политических сил. В 1937 г. это привело к резкому обострению политической борьбы в республиканском лагере.

Отношения между синдикалистами и партиями всегда оставались напряженными. Любая партия подозревалась либертарным движением в стремлении к установлению диктатуры.

Особенно остро лидеры НКТ и ФАИ критиковали коммунистов. Выступая на массовом митинге 20 сентября, Лопес говорил: «Имеется одна партия, которая хочет монополизировать революцию. Если эта партия будет продолжать свою линию, мы решили ее раздавить. В Мадриде находится иностранный посол, вмешивающийся в

испанские дела. Мы его предупреждаем, что испанские дела касаются лишь испанцев». По мнению А.Марти Лопес был наиболее резким противником коммунистов. Он поддерживал тесные контакты с анархистскими эмигрантскими кругами в Европе, включая «русскую еврейку» Э.Гольдман. Информация об опыте Российской революции и об СССР, распространявшаяся эмиграцией, была неблагоприятна для коммунистов. Но влиятельные лидеры НКТ Оливер и Дуррути выступали за единство с коммунистами, без которого не победить франкизм. Но и эти лидеры не были «друзьями СССР». В сентябре 1936 г. в интервью П.ван Паасену Б.Дуррути резко высказался против ориентации на «фашистское варварство Сталина». Анархист Э.Понс Прадес вспоминает, что «историческая память Кронштадта, Украины и ликвидации анархистов большевиками была жива».

В то же время анархисты были готовы сотрудничать с коммунистами ради сохранения антифашистского фронта. Советское вмешательство было связано с военно-технической помощью СССР, и угрозы «раздавить» коммунистов скоро стихли. Но сотрудничество оставалось вынужденным, в чем обе стороны отдавали себе отчет. «Я знаю, – говорил Оливер Коморрере, – что вы хотите устранить нас, как русские большевики устранили своих анархистов».

С самого начала гражданской войны коммунисты понимали, что основная сила, способная противостоять им в республиканском лагере – это анархо-синдикализм. Выступая в октябре на секретариате ИККИ, А.Марти говорил: «Налицо только две силы: анархисты и коммунисты. Социалисты отошли на задний план вследствие внутренних раздоров и не способны взять в свои руки инициативу. В общем, анархистские профсоюзы пользуются не меньшим влиянием, чем профсоюз Кабальеро». Несмотря на то, что влияние лидеров и структур ИСРП было все еще велико, в главном Марти был прав – за каждой из фракций социалистов стояла более решительная сила с ясной концепцией революции. Республика могла двигаться по двум расходящимся направлениям – анархо-синдикалистскому или коммунистическому.

Коммунисты выступали за максимальную этатизацию. Однако линии коммунистов на большую этатизацию противостояли не только анархо-синдикалисты, но и сторонники премьер-министра Ларго Кабальеро – левые социалисты. В 1937 г., столкнувшись с усилением давления со стороны коммунистов и правых социалистов, Ларго Кабальеро выдвинул идею профсоюзного правительства. Такая реорганизация власти могла бы ослабить зависимость правительства от партийных элит и усилить связь с социальной базой, организованной в профсоюзные структуры. Коммунисты выступили категорически против этой идеи. Д.Ибаррури заявила, выступая в партийной газете «Мундо обреро»: «Ни один марксист не может защищать идею профсоюзного правительства, так как это означало бы отрицание всех принципов социализма, правильность которых была доказана борьбой рабочих всех стран, и прежде всего победой социализма в Советском Союзе». Несомненно, переход власти к профсоюзным структурам (в том числе и ВСТ, где позиции коммунистов были сильны, но влияние левых социалистов все же преобладало) означало бы шаг назад на пути к социализму советского образца.

Стратегия коммунистов предполагала укрепление влияния коммунистов в аппарате власти (прежде всего в армии и силовых ведомствах) и привлечение к сотрудничеству и последующей интеграции с КПИ части социалистов и либералов, готовых ориентироваться на Москву. Это (учитывая слабость либеральных партий)

обеспечивало взятие под контроль коммунистов системы власти Испанской республики только при условии, что профсоюзные структуры будут лишены реальной власти, которую они получили в ходе революции.

Курс, предусматривавший союз со всеми партийными элитами, сплочение вокруг КПИ единой «партии порядка», требовал от коммунистов гораздо большей умеренности, чем прежде. Такая позиция сделала их союзниками правых социалистов и либералов-республиканцев. Началось сближение компартии с президентом Асаньей, что будет иметь далеко идущие последствия. Асанья быстро оценил начавшиеся в КПИ сдвиги и уже в сентябре заявил: «Если вы хотите иметь правильную оценку положения, если вы хотите видеть людей, которые знают, чего они хотят, читайте «Мундо обреро»».

Курс на централизацию и милитаризацию общества диаметрально противостоял анархистской ориентации на укрепление общественного самоуправления, отказ от социальных реформ до конца войны – их уверенности в том, что именно эти революционные преобразования обеспечат левым силам поддержку населения, необходимую для того, чтобы выиграть войну. «Пролетариат не может и не должен прерывать начавшийся процесс революции, который сейчас является гарантией успеха в войне против фашизма...» – говорится в документах НКТ.

Но вплоть до апреля 1937 г. анархо-синдикалисты воздерживались от прямой конфронтации с коммунистами. Хотя трения между правительственными структурами и анархо-синдикалистским движением на местах были неизбежны, лидеры НКТ понимали важность помощи СССР и сохранения единства антифашистского фронта.

К весне 1937 г. осуществлявшееся под давлением СССР проникновение коммунистов в армию (особенно в ее политическое руководство) приняло угрожающие масштабы. В конце 1936 г. коммунисты и прибывавшие в Испанию в большом количестве сотрудники НКВД СССР развернули охоту на оппозицию.

Ларго Кабальеро не собирался способствовать такой деятельности, не разделял «умеренности» коммунистов в социальной политике и не собирался следовать советам Сталина. В январе он отказался уступить давлению советского посла в вопросе назначения высших военных кадров. Итог этой беседы был весьма драматичен: «Убирайтесь! Вы должны понять, господин посол, что испанцы могут быть бедны и нуждаться в помощи из-за границы, но они достаточно горды, чтобы не допускать, когда иностранный посол пытается своей волей управлять испанским правительством».

СССР сделал ставку в социалистической партии на оппонента Ларго Кабальеро Х.Негрину: «Что касается Хуана Негрина, – писал В.Кривицкий, – то он принадлежал по всем своим свойствам к породе политиков-бюрократов. Хотя и профессор, он был деловым человеком и выглядел типичным бизнесменом... Женат он был на русской и к тому же, как человек практичный во всех отношениях, приветствовал чистку испанского общества от «смутьянов», «паникеров», «неконтролируемых» элементов, чья бы рука не проводила эту чистку, пусть даже чужая рука Сталина. Негрин, несомненно, видел единственное спасение страны в тесном сотрудничестве с Советским Союзом... Он готов был идти со Сталиным как угодно далеко, жертвуя всеми другими соображениями ради получения этой помощи». Эта рискованная игра закончится провалом в 1939 г., но в 1937 г. Сталин получил политическую опору вне рядов компартии.

В марте 1937г. под давлением Коминтерна КПИ взяла курс на снятие Ларго

Кабальеро. Коммунисты развернули пропагандистскую кампанию против анархистов, левых социалистов и, конечно же, «троцкистов». В их руках был мощный агитационный аппарат: «Если мы решали показать, что Кабальеро, Прието, Асанья или Дуррути ответственны за наши неудачи, полмиллиона людей, десятки изданий, миллионы листовок, сотни ораторов начинали в один голос доказывать опасность, которая исходит от этих граждан...» – вспоминал министр-коммунист Х.Эрнандес.

Отношения анархо-синдикалистов и коммунистов становились все более напряженными. Острая критика компартии звучала на пленуме НКТ 16-20 апреля, который стал в этом отношении переломным. Пленум высказался за «отделение службы общественного порядка от коммунистических элементов», как коммунисты используют свое положение для произвольных арестов.

На пленуме критиковался «бойкот со стороны центрального правительства» в отношении Арагонского фронта и Каталонии, особенно в отношении просьб об авиационной поддержке и закупке материалов для производства за границей. И это в то время, когда НКТ организовывала военное производство, поставляла амуницию и бойцов на другие фронты.

Пленум решил послать делегацию в Мадрид, чтобы она могла оценить ситуацию, сложившуюся в результате деятельности Хунты. Из Мадрида поступала информация о серьезных злоупотреблениях коммунистов.

Результаты расследования не заставили себя ждать. Социалисты и анархо-синдикалисты опубликовали информацию о репрессиях, организованных коммунистами против представителей других течений в Мадриде. «У нас нет соответствующих слов, – писала «Солидаридад обреро», – чтобы охарактеризовать тиранию мадридских коммунистов, которые захватили контроль над столицей. Здесь практикуются произвольные аресты, убийства без суда, секретные тюрьмы, преследования прессы...» Скандал разрастался все шире. Правительство Ларго Кабальеро распустило Мадридскую Хунту, контролировавшуюся коммунистами. «Становится ясно, – утверждала «Солидаридад обреро», – что чекистская организация, раскрытая сейчас в Мадриде, за создание которой отвечает комиссар безопасности Касорла, напрямую связана с подобными центрами, действующими под единым руководством и с определенным планом национального масштаба».

Но главным камнем преткновения по-прежнему оставались силовые структуры. В апреле 1937 каталонский министр-коммунист Х. Коморрера принял решение о разоружении рабочих патрулей в Барселоне. Патрули обвинялись в экспроприациях, несанкционированных арестах и даже убийствах. «Солидаридад обреро» разбирала эти случаи, приводя аргументы в защиту патрулей от необоснованных обвинений. НКТ категорически воспротивилась роспуску патрулей, увидев в нем «разоружение рабочего класса» «перед лицом внутренней контрреволюции». «Хватит компромиссов, нельзя дальше отступать», – провозгласила НКТ. «Вооруженные рабочие – это единственная гарантия революции. Пытаться разоружить рабочих – значит поставить себя по другую сторону баррикад» – писала «Солидаридад обреро». Противникам НКТ стало ясно, что без военного разгрома рабочей милиции справиться с синдикализмом не удастся.

В конце 25 апреля неизвестными был убит Р.Кортада – коммунист и бывший синдикалист. Несмотря на то, что убийцы не были найдены, это событие было использовано Х.Коморрерой, контролировавшим по должности национальную гвардию Каталонии, для новой попытки разоружить рабочие патрули. Это вызвало

перестрелки и гибель нескольких рабочих.

3 мая национальные гвардейцы предприняли атаку на телефонную станцию Барселоны, контролируемую НКТ. Акцией командовал коммунист, Генеральный комиссар охраны порядка Р.Салас. Обосновывая необходимость захвата телефонной станции, Х.Коморрера говорил об этом объекте: «Это не чья либо собственность, и во всяком случае это будет собственность общества (коммуны), когда правительство республики национализирует ее». Однако будущее время, употребленное в речи, показывает, что коммунисты понимали – на момент атаки телефонная станция не была государственной собственностью и находилась в распоряжении коллектива (по декрету о коллективизации), в большинстве своем состоявшего и членов НКТ. Во главе рабочего совета стоял делегат генералидада. Никаких правовых оснований для захвата станции не существовало. Атака вызвала четырехдневную гражданскую войну в Барселоне между сторонниками коммунистов и генералидада с одной стороны, и НКТ и марксистской антисталинской партии ПОУМ – с другой. Несмотря на перевес в силах, анархо-синдикалисты уклонялись от эскалации конфликта, опасаясь, что столкновения в тылу могут повредить фронту против франкистов.

7 мая в Барселону вошли правительственные войска. По дороге в город войска разоружали отряды НКТ и ПОУМ (сохраняя вооруженные формирования других организаций), громили их штаб-квартиры и даже производили расстрелы. После прибытия правительственных войск более 300 анархо-синдикалистов и «троцкистов» было арестовано¹²⁸. Трагическим итогом майских событий стало 500 убитых и тысяча раненых, а также начало перелома в ходе Испанской революции.

Майские события повлекли за собой правительственный кризис. Коммунисты потребовали наказания виновных за события в Барселоне. Ларго Кабальеро согласился бы с ними, если бы предусматривалось тщательное предварительное расследование событий.

Перспектива объективного расследования событий грозила коммунистам политической катастрофой. Поэтому они требовали немедленных репрессий против НКТ и ПОУМ. Уже на заседании правительства 9 мая «коммунисты предприняли основательную атаку против товарищей министров (то есть министров-синдикалистов – А.Ш.) по поводу происшедших событий, требуя крови и огня (против) активистов нашей организации», – сообщил представитель ФАИ в Валенсии Х.Кампанья в своем докладе 18 мая. Однако после этого заседания анархо-синдикалисты продолжали разъяснять свою точку зрения на происшедшие события и преуспели в этом. Премьер ждал результатов расследования событий в Барселоне. Однако коммунисты ждать не собирались. На заседании правительства 13 мая «была инициирована энергичная атака на Галарсу (лево-социалистический министр внутренних дел – А.Ш.) со стороны коммунистов, обвинявших его в нерешительности (дословно, «в том, что он держал дряблую руку») в отношении нас в Каталонии и остальной Испании», – писал Х.Кампанья. В ходе этой дискуссии Ларго Кабальеро назвал коммунистических министров лжецами и заявил, что не предаст «рабочего братства». Анархо-синдикалисты, намекая на своих противников, заявили, что столкновения в Барселоне были спровоцированы «нереволюционными партиями». Х.Кампанья продолжал: «дискуссия была очень жесткой, и два министра-коммуниста подали в отставку и покинули Совет из-за несовместимости...». Премьер был готов принять вызов: ««Ну что же: будем продолжать работу без вас», – холодно ответил Кабальеро,» – вспоминала Ибаррури. В запасе у него был вариант профсоюзного правительства.

Это был один из переломных моментов в развитии испанской революции. Уход из правительства коммунистов открывал дорогу к формированию правительства, ядро которого состояло бы уже не из представителей партий Народного фронта, а из профсоюзных лидеров НКТ и ВСТ (в этот период здесь доминировали левые социалисты). Очевидно, что такое правительство продолжало бы социальные реформы, направленные на дальнейшую коллективизацию и синдикализацию, а также провело бы расследование событий в Барселоне в невыгодном для коммунистов ключе. Это могло привести к ослаблению позиций коммунистов и в силовых органах, а в конечном итоге – к поражению КПИ в борьбе за власть. Однако этот же вариант развития событий означал отстранение от власти не только коммунистов, но и правых социалистов, а также республиканцев. Многие лидеры ИСРП также понимали, что роль ИКП определяется «тенью от советских самолетов», и это был очень важный фактор. Особенно принципиальным советский фактор был для министра флота и авиации И.Прието, так как его стиль ведения войны, отрицавший «партизанщину», был немыслим без активной советской поддержки. И.Прието решительно вступился за коммунистов, несмотря на свой антикоммунизм, который со всей остротой проявится в 1938 г. На последнем заседании правительства Ларго Кабальеро И.Прието заявил: «Без участия коммунистов нет правительства». Вслед за И.Прието зал покинули еще четыре министра-социалиста. С Ларго Кабальеро остались два социалиста и четыре синдикалиста – почти половина кабинета.

С уходом И.Прието и коммунистов победа синдикалистской альтернативы давала шанс на коренное изменение принципов ведения войны, перенос центра тяжести на проповедуемые анархистами партизанские методы, приоритетную помощь операциям в тылу франкистов, попытку решительного контрудара на южном фланге франкистов, считавшемся слабым, вместо упорных боев на перенасыщенном войсками центральном участке фронта.

14-16 мая Ларго Кабальеро вел консультации с целью формирования профсоюзного кабинета с участием партий. Руководство ВСТ в принципе было готово к участию в кабинете Ф. Ларго Кабальеро, но его конкретные предложения требовали компромисса с коммунистами и прежней партийной конфигурации.

В этих условиях все зависело от позиции президента М.Асаньи. Поскольку он принадлежал к республиканскому течению, которое резко критически относилось к анархо-синдикалистскому «эксперименту» и не имело заметных позиций в профсоюзах, президент отклонил идею Ларго Кабальеро. М.Асанья боялся анархистов больше, чем коммунистов, и поручил формирование правительства социалисту Х.Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с КПИ.

Правительство широкой антифашистской коалиции сменилось более узким по составу правительством Народного фронта. Кабинет Негрина был сформирован по существу кулуарно, сам Негрин был известен лишь в узких партийных кругах. Военным министром стал И.Прието, что гарантировало старый стиль войны. Это было соглашение руководства КПИ, части лидеров ИСРП и президента Асаньи. Власть на местах формально перешла в руки муниципалитетов, хотя реальная власть оказалась у партий, победивших в мае и доминировавших в комитетах Народного фронта. Лидеры НКТ заявили, что не будут участвовать в правительстве без Ларго Кабальеро. «Хождение во власть» закончилось. Ф.Елинек писал тогда об одном из министров-синдикалистов: «Х.Пейро вернулся к своей работе стекольщика в Матаро. Вероятно, это единственный министр в истории, который вернулся назад к ручной работе, с

которой ушел».

Отсутствие лидеров крупнейших профсоюзных организаций в правительстве (сторонники Ларго Кабальеро продолжали сохранять свои руководящие позиции в ВСТ) ослабляло координацию борьбы с франкизмом, но облегчало решение внутривластных задач победившей группировки.

После отстранения НКТ от власти и фактической оккупации Каталонии правительственными войсками события в Барселоне были объявлены мятежом анархистов и троцкистов. 18 мая НКТ заявила о своей оппозиции новому правительству.

Репрессии не замедлили себя ждать, причем проводились они во внесудебном порядке при активном участии «интернациональных бойцов» НКВД СССР. Прибывшая в середине сентября в Испанию Э.Гольдман обнаружила в тюрьме Валенсии 1500 анархо-синдикалистов и несколько сот марксистов, в том числе бойцов интербригад. В республиканских средствах массовой информации развернулась травля «мятежников», к которым теперь однозначно причислялись анархисты и «троцкисты». 28 мая была запрещена газета ПОУМ «Ла Баталья». 16 июня были арестованы члены ЦК ПОУМ, обвиненные в связях с франкистами. Начались чистки армии от членов ПОУМ. 7 июня были распущены рабочие патрули. В июне анархисты вышли из ставшего практически безвластным генералисиада. 18 июня была введена правительственная монополия на радио. 23 июля были созданы специальные политические трибуналы. 14 августа была официально запрещена публичная критика СССР и введено право правительства приостанавливать выпуск газет. 15 августа была создана Служба военных расследований, немедленно попавшая под контроль НКВД СССР и действовавшая независимо от Министерства обороны. ««Демократическое» государство, построенное Ларго Кабальеро, превратилось в «сильное» государство Негрина... Критика стала синонимом измены,» — подводят итог П.Бруэ и Э.Темиме.

Анархо-синдикалисты пытались сопротивляться репрессивной политике правительства. Им удалось смягчить репрессии и сохранить часть завоеваний 1936г. Но характер режима изменить было уже нельзя. Республику постепенно охватывала апатия. Арагонский фронт, преобразованный правительством, вскоре рухнул, что во многом предопределило поражение республики.

Прямое столкновение двух авторитарных режимов, ориентированных на тоталитарные режимы за рубежом, завершилось победой связанного с фашистскими державами франкизма. Военно-авторитарная машина франкизма изначально была более эффективной, и победить ее можно было методами, принципиально альтернативными авторитаризму и тоталитарной перспективе. Подавление демократического синдикалистского движения в республиканской зоне ликвидировало принципиальную альтернативу «двух Испаний» и поставило республиканцев в полную зависимость от геополитических факторов. Раздел сфер влияния между тоталитарными державами и прекращение вмешательства СССР в конфликт обрек республиканцев на поражение.

Таким образом, синдикалистский эксперимент был прекращен не в результате внутренних процессов, порожденных им, а в итоге чисто военного подавления движения. Факт военного поражения сам по себе еще не дает оснований для вывода о принципиальной нежизнеспособности тех или иных моделей. Известны многие примеры уничтожения военным путем социально-политических структур, которые в условиях другой военно-политической обстановки давали пример высокой

эффективности и жизнеспособности. Проблема жизнеспособности синдикалистской альтернативы сводится к вопросу о том, могло ли это общество существовать, сохраняя свое своеобразие в отношении «капиталистической» и «государственно-коммунистической» моделей.

В 1936-1937 гг. в Испании развернулась борьба между различными моделями индустриально-этакратического общества (государственно-монополистической формы индустриализма). Вступив на почву «реальной политики», синдикализм предложил одну из таких моделей.

В условиях затяжной гражданской войны было неизбежно усиление авторитарных тенденций в Испании в целом и в синдикалистском движении в частности. Но антиавторитарная (в данном случае – анархо-синдикалистская и лево-социалистическая) идеология смягчала уровень авторитаризма. В условиях крушения либеральной модели реформ синдикалистам удалось создать более плюралистичную социально-политическую систему, чем «социализм» СССР 30-х гг. или фашизм. Анархо-синдикалистский эксперимент в Испании был свернут в результате военно-политической комбинации, внешнего вмешательства и в конечном итоге – фашистского завоевания Каталонии и Арагона. Однако очевидно, что он представлял собой демократическую и социалистическую альтернативу как коммунизму, так и традиционалистскому авторитаризму.